

національного свого типа, я отнюдь не объявляю себя врагомъ успѣха; напротивъ, я радуюсь, если мы усвоимъ себѣ плоды современной науки, потому что наука и просвѣщеніе принадлежать всему человѣчеству. Заимствуйте все полезное, все общечеловѣческое, начиная отъ желѣзныхъ дорогъ до Гамбсовскаго кресла; но не принимайте ничего Нѣмецкаго, Французскаго или Англійскаго только потому, что оно Англійское, Французское или Нѣмецкое: оно именно хорошо исключительно для каждаго изъ этихъ народовъ отдѣльно, а можетъ быть вредно или непригодно для другихъ.

Мнѣ было лестно и отиѣнно пріятно познакомиться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ. Старикомъ онъ жилъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ старой монастырской гостинницы, съ достойнѣйшею супругою своею и мальчикомъ-сыномъ Сергіемъ, при которомъ былъ наставникомъ юноша Звѣревъ, нынѣ достопочтенный протоіерей Степанъ Ивановичъ, настоятель церкви въ Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, столь успѣшно дѣйствующій въ Воронежской Ученой Коммисіи. Бесѣда графа Дмитрія Николаевича была для меня занимательна и поучительна. Онъ былъ человѣкъ многосторонняго образованія и житейской опытности. Его нерѣдко посѣщали профессора Московской Духовной Академіи, а извѣстная устроительница „Дома Призрѣнія“ Елисавета Степановна Кроткова оживляла собесѣдниковъ своимъ остроуміемъ. Безпрестрасный хозяинъ держалъ середину между нею и архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ); но особенно друженъ онъ былъ съ графомъ М. Д. Бутурлинымъ. Письма къ нему помѣщены выше, стр. 148—160. Они дополняются нижеслѣдующими. П. Б.

Письма графа Д. Н. Толстаго къ графу М. Д. Бутурлину.

Рязань, 4 Авг. 1869 г.

Зная любовь вашу, искренне любимый и уважаемый графъ, къ святой Церкви и вѣря дружескому вниманію вашему ко мнѣ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ предложеніемъ сопутствовать мнѣ въ Римъ. куда мнѣ желательно бы ѣхать въ началѣ Октября и пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ продолженіи Собора*). Нѣтъ сомнѣнія, что событіе это, столь важное въ исторіи Западной церкви, не лишено значенія и для христіанъ Востока, и я увѣренъ, что оно интересуеть васъ не менѣе меня. Мнѣ хочется выѣхать за долго до открытія Собора, чтобы имѣть возможность и время установить нѣкоторыя знакомства и связи. необ-

*) Это соборъ, на которомъ провозглашено было непорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы. П. Б.

ходимыя, чтобы быть бы *au courant des affaires du Concile*¹⁾. Ваше содѣйствіе во всемъ этомъ дѣлѣ для меня неоцѣнимо, и согласіе ваше меня обрадовало бы несказанно. Зная, что матерьяльныя ваши средства могли бы быть для сего помѣхою, я уполномоченъ предложить вамъ субсидію отъ 200 до 300 р. въ мѣсяцъ. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта: отъ него будетъ зависеть и собственное мое рѣшеніе.

*

С. Толстые, 25 Авг. 1869 г.

Выставленныя вами препятствія, истекающія изъ вашихъ *здѣшнихъ* обстоятельствъ, таковы, что возражать на нихъ я не только не могу, но и не считаю себя въ правѣ. За симъ, что касается до тѣхъ, которыя вы предполагаете за *границей*, то съ ними согласиться не могу. Вы избѣгаете контроверсій, но ихъ и быть не можетъ. Наша миссія была бы совершенно дипломатическою, а вы знаете, что дипломаты не спорятъ. Хоть предполагаемая поѣздка не имѣетъ никакого официальнаго характера, со всѣмъ тѣмъ первою задачею было бы установленіе знакомствъ и сношеній съ лицами, болѣе или менѣе близко стоящими къ собранію и приобрѣтеніе отъ нихъ нѣкоторой довѣренности; какія же тутъ контроверсіи? Ваши родственныя связи, ваше знакомство съ мѣстными языками, наконецъ—ваша привязанность къ Церкви, все это послужило бы мнѣ неоцѣнимымъ пособіемъ для составленія тѣхъ отчетовъ предназначенныхъ къ печати, которые на меня (говорю „на меня“, а не насъ, потому, что вы отказываетесь) возлагаются. Искренно скорблю о неосуществившейся надеждѣ! Со всѣмъ тѣмъ, если уже рѣшеніе ваше неумолимо, обращаюсь къ вамъ съ просьбой не отказать мнѣ въ рекомендаціи къ кому либо, чтобы я могъ удобнѣе и ближе познакомиться съ мѣстнымъ духовенствомъ. Я могу быть представленъ, какъ одинъ изъ любопытныхъ, которыхъ немало пріѣдетъ. Событіе слишкомъ крупное, чтобы не заинтересовать людей, даже равнодушныхъ, а я болѣе или менѣе интересуюсь знать, въ какой мѣрѣ сила убѣжденія присуща Русской церкви? Этотъ вопросъ, такъ поставленный, удаляетъ отъ меня всякія подозрѣнія въ непоколебимости моихъ убѣжденій²⁾.

¹⁾ Чтобы знать про ходъ дѣла на Соборѣ.

²⁾ Графу Бугурлину, который въ это время уже разорился, тяжело было бы въ Италіи, гдѣ состоялся Соборъ и гдѣ благоденствовалъ его старшій братъ, принявшій католичество. П. Б.

*

С. Толстые, 14 Сентября 1869 г.

Если поѣздка моя въ Римъ состоится, что еще окончательно не рѣшено, то я утѣшаю себя надеждою, что увижусь съ вами у Дивова¹⁾, куда непременно заѣду съ этой цѣлью. Я такъ давно не видалъ васъ и такъ искренно люблю, что конечно не откажу себѣ въ этомъ удовольствіи.

С. Калистово²⁾ 15 Іюня 1872.

Что здумалось вамъ, многолюбимый мною графъ, вызывать на свѣтъ Божій такое старьё, какъ открытіе гробницы Пожарскаго? Въдъ этому минуло уже 20 л., и тогда же все было подробно описано и опубликовано. И что вы изъ этого сдѣлаете? Какой редакторъ помѣститъ у себя описаніе происшествія, давно совершившагося, всѣмъ извѣстнаго и всѣми забытаго? Со всѣмъ тѣмъ, какъ вѣрный исполнитель вашихъ порученій, я возвращаю вашу статью съ тѣми дополненіями, какихъ вы требовали. Не взыщите на моемъ многословіи. Мнѣ казалось, что если уже взять какой-нибудь предметъ, то слѣдуетъ обработать его глубже, а не ограничиваться одними поверхностными свѣдѣніями. Да послужить моя редакція вашей статьи доказательствомъ моего къ вамъ усердія, истекающаго изъ чувства моей къ вамъ дружбы, преданности и уваженія, съ коими и пребуду навсегда. Дм. Толстой.

Не оставляйте меня безъ извѣстій о себѣ. Вы теперь перелетная птица, и я не прежде могу писать къ вамъ, какъ по полученіи извѣстій о вашемъ мѣстѣ пребыванія, а мое вамъ извѣстно.

*

С. Калистово, 5 Іюня 1872.

Возвратясь вчера отъ Троицы, куда ѣздить на праздникъ, я нашелъ письма ваши, искренно любимый графъ. Порученія ваши исполню при первой моей туда поѣздкѣ. Что касается до Петра Сим-ча³⁾, то вѣроятно вы уже получили отъ него и вашу съёмку и письмо. Здоровье его пришло въ обычное положеніе, особенно съ тѣхъ поръ какъ переѣхалъ въ свой домъ, гдѣ больше воздуха и спокойствія.

¹⁾ Николай Адриановичъ Дивовъ, по матери своей двоюродный братъ графа Бутурлина. П. Б.

²⁾ Дача Прокоповича-Антонскаго, между станціями Талицами и Хотьковымъ. П. Б.

³⁾ П. С. Казанскій, профессоръ Русской исторіи въ Московской Духовной Академіи. П. Б.

„Р. Архивъ“ получается мною въ Данковѣ; его читаютъ мои сестры, но я выпишу его къ себѣ для переплета и съ удовольствіемъ прочту указанныя вами статьи.

Николай Ивановичъ Надеждинъ, магистръ Московской Духовной Академіи, началъ свою дѣятельность воспитателемъ въ домѣ Самариныхъ, родителей извѣстнаго вамъ Юрія Ѳедоровича. Литературное поприще начато имъ въ „Вѣстникъ Европы“, издававшемся Мих. Трофим. Каченовскимъ, гдѣ онъ преимущественно работалъ по части Русской Исторіи и Археологіи. Потомъ онъ былъ издателемъ „Телескопа“ и за помѣщеніе въ немъ извѣстной статьи Чаадаева былъ высланъ, кажется, въ Усть-Сысольскъ. Въ послѣдствіи Левъ Алексѣевичъ Перовскій, отыскивавшій способныхъ людей въ ссылкѣ и въ крѣпости, взялъ его къ себѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Здѣсь онъ занимался изслѣдованіемъ всѣхъ видовъ раскола и написалъ книгу о скопцахъ, изданную Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ рисунками, въ числѣ 50 экз. Другія статьи его о расколѣ, а также и эту книгу перепечаталъ Кельсиевъ и издалъ въ Лондонѣ въ вольной Русской типографіи Трюбнера. Для изслѣдованія раскольниковъ дѣлъ Надеждинъ ѣздилъ за границу и былъ въ Бѣлой Криницѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей Географич. Общества и, если не ошибаюсь, предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла; по крайней мѣрѣ онъ много работалъ по этой части, труды его печатались въ изданіяхъ общества. Вообще, сколько я знаю, онъ не оставилъ ни одного самостоятельнаго труда, но во многихъ помѣщенныхъ имъ въ разныхъ изданіяхъ статьяхъ видѣнъ острый и основательный умъ, большая ученость и талантливость.

Вотъ вамъ бѣглыя свѣдѣнія о Надеждинѣ.

Вопросъ предложенный вами въ открытомъ письмѣ о Болгарской церкви гораздо труднѣе. Отвѣчать на него бѣгло нельзя. Запутавшіяся отношенія между Греками и Болгарами по всей вѣроятности потребуютъ собора. Какой онъ будетъ, вселенскій или помѣстный, рѣшить трудно, особенно изъ Калистова. Вѣроятнѣе послѣдній, и въ такомъ случаѣ вѣроятно окончится въ пользу Грековъ, потому что большинство или, лучше сказать, и весь соборъ будетъ изъ нихъ же. Предусмотрѣть всѣ послѣдствія распри невозможно, но несомнѣнно, что она угрожаетъ великими опасностями всему Православію и требуетъ особенной попечительности и благоразумія со стороны всѣхъ самостоятельныхъ церквей. Лично я вѣрую, что Церковь Православная, яко содержащая и хранящая истину, не погибнетъ, и врата адовы не одолѣютъ ей, ибо съ нею пребываетъ и пребудетъ самъ Христосъ до скончанія вѣка: это

Его слова, а небо и земля прейдуть, слова же Его не имуть преидти. Думаю, что вопросъ вашъ истекаетъ не изъ простаго любопытства, а изъ источника болѣе серьезнаго. Въ такомъ случаѣ нужно только убѣжденіе, что слова Господни о Церкви относятся именно къ нашей церкви, а не къ другимъ. Для сего было бы достаточно простой вѣры: но по милости Божіей мы имѣемъ къ тому и другія историческія и несомнѣнныя доказательства. Вы, конечно, не потребуете ихъ въ краткомъ письмѣ, предѣлы котораго слишкомъ ограничены, а доказательства обильны, требуютъ и труда и времени. Впрочемъ вы сами хорошо ихъ знаете, а извѣстное мнѣ ваше благочестіе и преданность къ Церкви удостовѣряють, что съ помощью благодати Божіей вы никогда не усумнитесь въ ея истинѣ. „Держи еже имаши, и дамъ ти вѣнецъ живота“.

Прощайте, добрый и любимый графъ. Благодарю васъ за вашу дружбу и молюсь за васъ; молитесь и вы за меня: молитвы мнѣ нужны.

8 Марта 1872 г. (Сергіевъ посадъ).

Вотъ въ какомъ видѣ сохранился въ моей памяти эпизодъ изъ моего Калужскаго губернаторства*), о коемъ вы меня спрашиваете.

Въ то время, когда разрабатывался въ Россіи такъ называвшійся крестьянскій вопросъ и когда уже въ большинствѣ губерній возникли губернскіе комитеты, мы въ Калугѣ коснулись. Вы помните причину; она лежала въ томъ ретроградномъ направленіи, какимъ отличались представители Калужскаго дворянства. Я не настаивалъ, потому что дѣло было уже вообще окончательно рѣшено свѣше, и день раньше, день позже тутъ ничего не значило. Правда, многіе изъ моихъ товарищей спѣшили, чтобы выслужиться въ глазахъ Петербурга; но я считалъ, что въ дѣлѣ столь существенной важности поспѣшность и торопливость никуда не годны, тогда какъ опытъ другихъ губерній, особенно при господствовавшемъ въ Калугѣ направленіи, былъ бы не бесполезенъ. Между тѣмъ, несмотря на эту медленность или лучше сказать благодаря ей, народная молва объ освобожденіи все усиливалась, но нигдѣ не выходила изъ границъ и ни въ чемъ не нарушала общаго спокойствія и порядка. Равнымъ образомъ и со стороны правительства въ Калугу посылались общія распоряженія его въ видѣ министерскихъ

*) Графъ Толстой, служившій некогда директоромъ департамента полиціи въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ губернаторомъ въ Калугѣ, потомъ (1859) въ Воронежѣ (гдѣ одѣнилъ поэта Никитина). Къ какому времени относится его Рязанское губернаторство, точно не знаемъ; кажется, раньше Калуги. П. Б.

циркуляровъ. Не помню, вслѣдствіе ли этихъ циркуляровъ, или по собственной моей инициативѣ, я просилъ губернскаго предводителя извѣстить конфиденціально дворянство, что, въ виду предстоящей реформы, я не могу допустить г.г. помѣщиковъ переносить по произволу крестьянскіе дворы на новыя усадьбы; но такъ какъ, ограждая крестьянъ, я въ тоже время абсолютнымъ запрещеніемъ нарушалъ бы права душевладѣльцевъ, то я просилъ, чтобы, въ случаѣ необходимой надобности въ перенесеніи, г.г. помѣщики предварительно совѣщались о томъ со мною вмѣстѣ съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ. Мнѣ удалось получить на это согласіе Н. С. Щукина.

Въ Августѣ 1858 г. молодой Медыньскій помѣщикъ г. Полтевъ пріѣхалъ изъ Москвы въ свое имѣніе и не захотѣлъ подчиниться этой мѣрѣ. Онъ по собственному усмотрѣнію приказалъ своимъ крестьянамъ переносить дворы на другое мѣсто. Крестьяне отказались. Справедливость требуетъ сказать, что г. Полтевъ, показавшійся мнѣ вообще человекомъ весьма порядочнымъ, указалъ имъ мѣстность удобную и не лишенную всѣхъ нужныхъ для нихъ угодій, и крестьяне, конечно, не воспротивились бы, если бы не усомнились въ самомъ правѣ помѣщика на принятую имъ мѣру. Между тѣмъ право это по закону еще всецѣло принадлежало ему, и явное ограниченіе его, особенно при существовавшемъ тогда вообще опасеніи крестьянскихъ беспорядковъ, могло произвести (по крайней мѣрѣ по моему убѣжденію) опасное впечатлѣніе, и уже во всякомъ случаѣ было бы съ моей стороны противозаконнымъ нарушеніемъ помѣщичьяго права. Положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что земская полиція, по приглашенію уѣзднаго предводителя, уже оказала содѣйствіе помѣщику, но крестьяне прямо отказались исполнить и ея требованія. Дѣло, какъ видите, измѣнилось по существу: слушаніе оказывается уже не помѣщичьей, а правительственной власти, и примѣръ дѣлается опаснымъ. Я поручалъ предводителю Гончарову*) лично и отъ моего имени внушить крестьянамъ необходимость повинovenія; все было напрасно, и они продолжали упрямствовати. Оставалось ѣхать самому, но и мои продолжительныя увѣщанія не имѣли успѣха. Пришлось прибѣгнуть къ розгамъ. Началось сѣченіе, и хотя я секретно далъ приказаніе исправнику сѣчь легче, со всѣмъ тѣмъ, я не могъ присутствовать при этой экзекуціи и послѣ первыхъ ударовъ удалился, оставляя при наказаніи Гончарова, котораго также просилъ о снисхожденіи. Послѣ двухъ-трехъ первыхъ жертвъ, крестьяне подчинились силѣ, и Гончаровъ пришелъ сказать мнѣ объ

*) Дмитрію Николаевичу, владѣльцу Полотняныхъ заводовъ. П. Б.

этомъ. Я сказалъ ему, что присутствую при экзекуціи въ послѣдній разъ. „Дай Богъ!“ отвѣчалъ онъ. „Это навѣрное, сказалъ я, потому что завтра же подамъ въ отставку“. Вы знаете, что я такъ и сдѣлалъ, но въ цитованныхъ вами моихъ словахъ есть ошибка. Вы пишете, что я сказалъ вамъ, что „въ душѣ не могу считать крестьянъ виновными, потому что обхожденіе съ ними ихъ владѣльца превзошло мѣру ихъ терпѣнія“.. Я не могъ сказать этого, ибо здѣсь не было злодѣйства, а была только глупость, или, если хотите, неловкость.

Вотъ какъ мнѣ помнится это дѣло.

Перехожу ко 2-му вопросу. Не въ лѣтописи, а въ „Кормчей“ изданной при Никонѣ, въ началѣ книги помѣщена статья подъ заглавіемъ (цитую на память): „Сказаніе извѣстно како святіи вселенстїи патріарси папу Римскаго отъ своея любви и своего духовнаго союза извергоша и како своего патріаршескаго постановленія отъ него не востребоваша“. Таково, или почти таково заглавіе, могущее дать поводъ къ подозрѣнію, не утверждалъ ли папа патріарховъ въ ихъ званіи? Слово это впрочемъ могло выражать и церковное общеніе или посылку извѣстительныхъ грамотъ о вступленіи на кафедру, что вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса слѣдуетъ читать въ самой статьѣ, а не въ заглавіи.

По третьему вопросу о Пальмерѣ вотъ что пишетъ Муравьевъ въ кн. „Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М... Кіевъ 1869“, на стр. 122: Англійскій дьяконъ Пальмеръ, будучи представителемъ новаго религіознаго общества Пюизептовъ, возникшаго въ Оксфордѣ, съ цѣлію возобновить древніе порядки церковные и искать союза съ Востокомъ, два раза прїѣзжалъ съ весьма странными предложеніями въ Спб.. Онъ хотѣлъ, чтобы въ лицѣ его наша церковь признала православіе Англійской и, разумѣется, былъ отвергнутъ. Впослѣдствіи съ тѣми же предложеніями обращался онъ къ Восточнымъ патріархамъ и кончилъ присоединеніемъ къ Риму. На сихъ дняхъ Пальмеръ былъ опять въ Кіевѣ уже безъ всякой цѣли (?), но какъ самый ревностный Католикъ. А митрополитъ спрашивалъ о немъ словами: „Пальмеръ, говорятъ, вновь въ Петербургѣ. Любопытно, чего еще онъ домогается и съ какимъ успѣхомъ?“

Посылаю письмо, изготовленное мною прежде полученія вашего. Прошу исполнить новыя мои просьбы, записать меня въ число миссіонеровъ общества и потомъ вытребовать отъ меня деньги, сколько не достанетъ.

Tuus ex animo Д. Толстой.

*

Сергіевъ посадъ. 13 Іюня 1873.

Глубоко и сердечно сочувствую я горю посѣтившему васъ, добрѣйшій другъ мой, но вмѣстѣ и радуюсь, что приняли вы этотъ ударъ съ безропотною покорностію волѣ небеснаго нашего Отца, Который ведетъ насъ непостижимыми для ума нашего средствами къ несомнѣнной цѣли—нашему вѣчному благу. Для ума нашего непонятно: зачѣмъ бить того, кого любишь? а вѣра отвѣчаетъ, что Господь „біетъ всякаго сына, его же пріемлетъ“; а если нѣтъ, то прибавляетъ „убо не сынъ Ему еси, но прелюбодѣйчищъ“. Кто же не предпочтетъ быть законнымъ сыномъ?

Я сказалъ эти нѣсколько словъ не для того, чтобы утѣшать васъ: утѣшеніе не приходитъ извнѣ, и источникъ его въ насъ самихъ, если мы умѣемъ покорять нашу волю волѣ Божіей, которая, по самому свойству своему, дурною быть не можетъ. Не мнѣ учить васъ этой покорности; вы уже явили собою такіе ея опыты, что я смѣло вѣрю, что посланное вамъ нынѣ искушеніе не заставитъ васъ потерять уже пріобрѣтенные плоды ея: „держи, еже имаши, получиши вѣнецъ“.

Обращаясь къ практической сторонѣ дѣла, скажу, что изъ двухъ способовъ, о которыхъ вы намекнули (залогъ земли и выкупъ) мнѣ кажется, что послѣдній былъ бы удобнѣе, если бы могъ совершиться скоро. Конечно съ нимъ теряется капитальная часть имѣнія, но за то не связывается будущая распорядительность ежегодными взносами, всегда зависящими отъ случайности и слѣдовательно подвергающими ей и все имѣніе. Мнѣ кажется лучшимъ имѣть меньшій доходъ, но не подвергать опасности капитала. Но все это вы, зная лучше меня всѣ силы вашихъ средствъ, лучше меня и рѣшите. Какъ завидую я теперь людямъ богатымъ, которымъ такъ удобно оказывать услуги!

Приписка рукою Бутурлина: Написано по случаю сторѣвшаго 4 Іюня Знаменскаго*) нашего дома и всей тамъ усадьбы.

*

11 Окт. 1873.

2 Окт. Петръ Сим-чъ совѣтомъ Моск. Духовной Академіи *единомасно* признанъ докторомъ богословія. Этотъ неожиданный для многихъ результатъ, особенно послѣ той сильной интриги, о которой вамъ извѣстно, остается для меня и доселѣ необъяснимымъ. Его можно при-

*) Въ Знаменскомъ, близъ города Тарусы, жили супруга графа Бутурлина (рожд. Нарышкина) и сынъ ихъ. П. Б.

писывать многимъ причинамъ: неудовольствію, выраженному по поводу не состоявшагося прежде диспута, въ указъ Синода, предсѣдательству на сей разъ въ Академіи викарнаго епископа, настойчивости диспутанта, и наконецъ—главнѣе всего—милости Божіей. Представьте, что наканунѣ праздника Покрова Пресв. Богородицы Петръ Сим-чъ, выходя отъ все-нощной, простудился. Наканунѣ своего диспута онъ былъ серьезно боленъ, и къ этому еще присоединилась мучительная зубная боль. Я былъ почти увѣренъ, что если первый диспутъ не состоялся по притворной болѣзни членовъ Совѣта, то этотъ не состоится за дѣйствительною болѣзнію самого диспутанта. Но онъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи, и въ самый день диспута, когда домашніе его боялись, что онъ не удержится на ногахъ, онъ явился на кафедру. Самъ онъ послѣ говорилъ мнѣ, что боялся, что не выстоитъ на ногахъ и глазами искалъ, гдѣ бы прочнѣе примоститься, и что же? Едва начались пренія, какъ онъ оживился, зубной боли какъ не бывало, кашель пропалъ и—какъ говоритъ онъ—чувствовалъ себя въ силахъ простоять на кафедрѣ еще два часа долѣе...

Горячее сочувствіе студентовъ, выразившееся единодушными рукоплесканіями, и успѣхъ самаго дѣла, благопріятно поддѣйствовали на нашего друга. Хотя, послѣ диспута, онъ прохворалъ дня три, но теперь здоровъ, спокоенъ и веселъ. Удручавшая забота свалилась долой, и облегченный отъ этого бремени, онъ вполне благодумствуетъ.

*

Сергіевъ посадъ, 5 Дек. 1873.

Трудъ вашъ*) подвигается, говорите вы. Дай Богъ успѣха, и главное чтобъ вы въ самомъ дѣлѣ не проработали на Прусскаго короля. Это было бы крайне досадно. Я не думаю, чтобъ коварный Альбіонъ остался совершенно равнодушенъ къ типическому Русскому сочиненію, особенно въ настоящее время, когда Русская великая княжна становится Англійскою княгинею. Какъ ни говорите, если въ наше время подобные союзы не могутъ имѣть политическаго значенія, все же они должны пробуждать въ націяхъ желаніе взаимнаго ознакомленія. Будетъ ли на вашемъ трудѣ выставлено имя переводчика? Если да, то не посвятить ли переводъ ея высочеству? Подумайте объ этомъ; галантерія такого рода обыкновенно вознаграждается орденомъ или подаркомъ, а

*) Это переводъ на Англійскій языкъ повѣсти П. П. Мельникова „Въ лѣсахъ“. Онъ, гажется, не былъ напечатанъ. П. Б.

такъ какъ у Англичанъ нѣтъ по счастью такихъ обыденныхъ орденовъ, какъ у насъ, то вѣроятно вы получите подарокъ, чего я и желаю.

Вы привели мнѣ на память эпизодъ изъ моей блудной жизни, о которомъ я сожалью. Это съ моей стороны было дурное дѣло, потому что я никогда не чувствовалъ къ названной особѣ никакого нѣжнаго чувства, она обманулась моимъ ухаживаніемъ и была дѣйствительно ко мнѣ равнодушна и даже, можетъ быть, больше.... Стихи, о которыхъ вы упоминаете, я такъ же помню; это было подражаніе нашимъ силлабическимъ пѣтамъ XVII в. на Славянорусскомъ языкѣ; оно носило названіе: „Краеграніе“ (акростихъ) и начиналось такъ:

Елижды аще будеши сія читати,
Лестныхъ отнюдь не взыскуй веуе поздравленій,
Иже еси отъ иныхъ обыкла пріимати:
Зане чуждъ есмь азъ.... и проч.

далье не помню. Очень бы я радъ былъ, чтобы она простила мнѣ мое поведеніе, въ которомъ я искренне раскаиваюсь.....

О Чаадаевѣ я раздѣляю ваше мнѣніе. Что касается до любопытной статьи архіепископа Антонія, которую я знаю, то позвольте мнѣ несовсѣмъ согласиться съ вами. Если худо, что у насъ нѣчто почерпають изъ Перронэ, то нельзя радоваться и Макарію, который не чуждъ того же источника. Статей Теохтистова я не читалъ, но Жобара зналъ лично. Это былъ человѣкъ истинно ученый и замѣчательно энергическій. Жаль только, что, выведенный изъ терпѣнія несправедливостію, онъ растратилъ эту энергію на бесплодную борьбу съ личностями. Уварову прислалъ онъ свой переводъ оды Пушкина къ Лукуллу, при письмѣ, что онъ пошлетъ этотъ переводъ къ своему родному брату, издателю или редактору газеты: „Indépendance“, „avec quelques commentaires pour l'intelligence du texte“, прибавилъ онъ. У меня была цѣлая толстая тетрадь, писанная его рукою о его походахъ. Последнее, что я получилъ отъ него, была его визитная карточка: „Le professeur Jobard, chassé de Russie, p. p. c.“. Удивительный и несчастный чудакъ!

Вашъ степной чудакъ меня не удивляетъ. Стоитъ только осмотрѣться вокругъ, и вы не замедлите увидѣть множество такихъ же, только въ формѣ менѣе рѣзкой, и если вы не услышите отъ нашихъ законодателей церковной реформы наивнаго восклицанія: „неужели и

меня будетъ судить попь?“, за то васъ серьезно будутъ увѣрять, что Св. Писаніе, апостольскія правила и соборы устарѣли и несовременны, что судебная власть должна непременно быть отнята у архіереевъ (данная имъ Самимъ Господомъ), что бракоразводныя дѣла должны быть переданы въ свѣтскіе суды и т. п.¹⁾ Странная судьба нашей іерархіи! Петръ соперничалъ съ нею въ честолюбіи; въ знаменитомъ Духовномъ Регламентѣ, говоря о почестяхъ отдаваемыхъ архіерею, сказано: „дѣло убо великое, честь же никаковая“. Нынѣшніе реформаторы позавидовали и власти, и прибавляютъ: „власть же никаковая!“ Профессоръ здѣшней Академіи А. Θ. Лавровъ²⁾ издалъ на дняхъ превосходный трудъ „О судебной реформѣ въ Русской церкви“. Онъ мнѣ доказалъ не только всю ея антиканоничность, но и разрушеніе единства церковнаго. Я нахожу это истиннымъ подвигомъ съ его стороны, и мнѣ кажется, что со временъ Арсенія Мацѣвича это первый *живой* голосъ, раздавшійся въ защиту правъ церкви³⁾.

Вы спрашиваете о намѣстникѣ⁴⁾. Онъ очень слабъ и неизлечимо боленъ старостію; со всѣмъ тѣмъ, не упадаетъ духомъ и доказываетъ собою силу безсмертнаго духа надъ брэнною плотію. 4-го этого мѣсяца, т. е. вчера, онъ совершалъ литургію въ больничной церкви Велико-мученицы Варвары. Во все время службы его держали подъ руки два дьякона, а когда онъ выходилъ съ чашею, то іеромонахъ поддерживалъ св. чашу. О продолженіи его святой и многотрудной жизни мы всѣ здѣсь молимъ, и если Господь продлитъ вѣкъ его за 1 Января, то почему же бывшее ему видѣніе должно сдѣлаться галлюцинаціею? Почему можемъ мы знать цѣль, съ которою Господь послалъ ему это видѣніе и *какъ* оно отразилось на *немъ*? Потому только, что мы, *догадываясь*; что оно есть предвѣстіе близкой кончины, ошиблись, мы готовы признавать его бредомъ; но „кто уразумѣ умъ Господень?“⁵⁾....

¹⁾ Оберъ прокуроромъ Св. Синода былъ въ это время родной племянникъ графа, нѣкогда имъ облагодѣтельствованный графъ Д. А. Толстой. П. Б.

²⁾ Вислѣдствіи архіепископъ Литовскій. П. Б.

³⁾ Позднѣйшія изслѣдованія доказали, что для Арсенія Мацѣвича защита правъ церкви была только предлогомъ для проявленій личной разнузданности и политическихъ замысловъ. П. Б.

⁴⁾ Т. е. о знаменитомъ Грузинѣ Антоніи, которымъ въ это время завладѣла Е. С. Кроткова. П. Б.

⁵⁾ За всенощной подъ новыи 1873 годъ архимандриту Антонію показался въ алтарѣ умершій секретарь митрополита Филарета до того живо, что онъ покалилъ ему. Видѣніе тотчасъ же исчезло. Антоній принялъ это за предвѣщаніе своей кончины. П. Б.

Вы знаете, что у насъ были августѣйшіе гости; читали также и описаніе пребывавшихъ здѣсь, а потому я описывать всего не стану, и скажу только то, что касается меня лично. Предъ прїѣздомъ Государя я облекся въ полную парадную форму, пробрилъ бороду, сбрилъ усы и отправился съ женою въ соборъ. Мы тамъ видѣли ихъ прекрасно. По окончаніи молебна и по вступленіи Государя съ своими спутниками въ митрополичьи кельи, попалъ и я туда же, но далѣе прихожей пробраться не могъ и остановился у дверей прїемной залы. Встрѣтись съ *Долорукиимъ*¹⁾, я просилъ его представить меня Государю: нельзя. Тотъ же отвѣтъ получилъ я и отъ Пушкина²⁾. Грустна была мнѣ эта неудача, мнѣ, который такъ искренно преданъ Царю. Тутъ пришла моя жена³⁾ и несмотря на мои слова, что далѣе идти нельзя, отправилась прямо въ залу. Я думалъ, что ее прогоняютъ, и ждалъ этой минуты. Между тѣмъ, видя, что она спокойно осталась тамъ, я рѣшилъ и самъ войти и ждать тамъ, что будетъ. Послѣ чая начали всѣ уѣзжать, и Государь въ дорожной шинели вышелъ, чтобы идти въ экипажъ, и проходя мимо меня узналъ меня (мы не видались около 11 л.), подошелъ ко мнѣ, подаль руку и удостоилъ нѣсколькихъ словъ. Узнавъ между прочимъ, что я здѣшній житель, онъ сказалъ мнѣ: „Такъ ты совсѣмъ здѣсь поселился? Я этого не зналъ“. Да почему же онъ могъ и знать это? Вѣдь я въ перепискѣ съ нимъ не состою, не могъ увѣдомить его о моемъ мѣстопробываніи. На прощанье онъ снова подаль мнѣ руку.

Сергіевъ посадъ, 17 Янв. 1874.

На замѣчанія ваши о соборѣ 1654 г. позвольте отвѣчать вамъ вкратцѣ. Вы говорите, что „Никонъ не обобщаетъ разностей“, вкравшихся въ наши книги его времени, а „перечисляетъ ихъ“, и выводите изъ этого, что послѣдующіе соборы не имѣли будто бы права исправлять погрѣшности, Никономъ неукрашныя. Напротивъ того, изъ издавнаго „дѣянія“ видно, что переписанныя Никономъ неисправности приведены имъ какъ примѣры, за которыми слѣдуетъ *общая* мысль о необходимости исправленія и другихъ недостатковъ. Это прямо выражено имъ словами: „прошу рѣшенія, новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или Греческимъ и нашимъ старымъ, которыя купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ?“ Здѣсь вопросъ несомнѣнно общій. Да если бы его и не было, то я не понимаю, почему бы

¹⁾ Московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ (онъ содѣйствовалъ Е. С. Кротковой въ отобраніи у Лавры большихъ денегъ, чтобы устроить „Домъ призрѣнія“, гдѣ она сдѣлалась полною хозяйкою). П. Б.

²⁾ Не знаемъ, кто это. Не предводитель ли дворянства Мусинъ-Пушкинъ? П. Б.

³⁾ Графиня Евфросинія Федоровна. П. Б.

послѣдующіе соборы не имѣли права приступить къ пересмотру невѣрностей, не указанныхъ Никономъ? Цѣль изданія „дѣянія“ заключалась въ томъ, чтобы показать, что пресловутый Павелъ Коломенскій былъ во всемъ съ соборомъ согласенъ, что и выразилъ своею подписью, кромѣ поклоновъ (здѣсь разумѣютъ 12 малыхъ, которые у раскольниковъ замѣняются земными), и по моему крайнему разумѣнію эта цѣль вполнѣ достигнута. Много бы я могъ сказать въ подтвержденіе этого, но оставляю до личнаго свиданія за недосугомъ. (Это письмо начато 17 ч.; сегодня 20-е, и я не знаю, успѣю ли кончить).

Перехожу къ мысли о томъ, что клятвы, наложенныя соборомъ 1667 г., не могутъ быть будто бы сняты „не только Платонами и Филаретами, но и Св. Синодомъ“. А по моему ихъ имѣть право разрѣшить первый приходскій священникъ, къ которому обратится раскольникъ, желающій возвратиться въ церковь, точно также, какъ разрѣшаютъ клятвы, наложенныя вселенскими соборами на всѣ инославныя исповѣданія при присоединеніи къ Православію. Всѣ эти клятвы, и въ томъ числѣ тѣ, о которыхъ вы пишете, наложены условно „дондеже не раскаются“. Отступленія отъ ереси или отъ раскола, какъ актъ раскаянія, влечетъ за собою и снятіе клятвы *latae sententiae*. Объ этомъ никогда не спорили и сами раскольники; но они умышленно увѣряютъ, будто клятвы положены на самые ихъ обряды и книги, а не на мятежъ церковный, назвавшій исправленныя книги, чины и обряды „еретическими и растлѣнными“. Они говорятъ, что отдѣлились отъ церкви влѣдствіе клятвъ, а изъ книжки Сувотина мы ясно видимъ, что вожаки ихъ выразились гораздо прежде этихъ клятвъ, называя церковь безблагодатною и даже антихрисловою, явившую новую „непоклонническую“ ересь, и что расколъ вполнѣ организовался до 1667 г. На этотъ организованный расколъ и произнесъ соборъ этого года отлученіе, освобожденіе отъ котораго легко канонически получить посредствомъ раскаянія и признанія церковной истины. На непокорныхъ же и хулителей Церкви клятва должна пребывать во всей силѣ, и я, вопреки приводимыхъ вами авторитетовъ (магистры Дух. Ак.) не вижу и надобности снимать ихъ.

Вы напрасно думаете, что я желаю представиться Царю изъ видовъ для будущности Сережи*). Я просто желалъ бы его видѣть по личной моей къ нему привязанности, какъ къ личному моему благодѣтелю. Ужели чувство благодарности всегда и вездѣ похвально, кромѣ

*) Т. е. своего единственнаго и тогда малолѣтнаго сына. П. Б.

приложенія его къ Государю? Когда я былъ 9 или 10 лѣтъ. ребенкомъ, мать моя подарила мнѣ альбомчикъ, на первой страницѣ котораго написала: „Люби Бога, вѣренъ будь Царю, люби дружески родителей, старшихъ почитай, ко всѣмъ будь ласковъ, къ поданнымъ милостивъ: вотъ тебѣ мое наставленіе“. Въ этомъ наставленіи первое мѣсто принадлежитъ Богу, второе—Царю, родители занимаютъ только третье; другими словами: прежде всего церковь, потомъ государство, а потомъ уже семья. Времена измѣнились, и такое ученіе нынѣ непонятно...

О Святцахъ¹⁾ я справлялся въ лаврской иконописной и получилъ въ отвѣтъ, что это будетъ стоить „очень дорого и будетъ работаться очень долго.“ Это буквальныи отвѣтъ; опредѣленно выразиться не хотѣли, конечно самимъ показалось непрактичнымъ; при этомъ о. Симеонъ рекомендовалъ мнѣ въ Москвѣ, на Никольской ул., на углу Охотнаго ряда лавку купца Василя Матвѣевича Клаповскаго, гдѣ можно найти готовые, много дешевле заказныхъ. А я, съ своей стороны, рекомендую метахроматическіе Святцы, изданные покойникомъ Хрулевымъ съ рисунковъ Солнцева. Правда, они не на двухъ, а чуть ли не на 24 доскахъ, но за то весьма недурные и притомъ чрезвычайно дешевые, чуть ли не 48 р.

Походъ на Дѣвичье Поле дѣйствительно подвигъ, особенно по снѣгу. Я помню, что когда-то, ѣхавъ къ Погодину зимою въ каретѣ, я такъ застрялъ въ снѣгу, что съ трудомъ и не безъ посторонней помощи могъ выкарабкаться.

Мнѣ пріятно было прочесть, что вы довольны свиданіемъ съ Мельниковымъ²⁾. Я люблю его; онъ очень даровитый писатель, хотя часто пишущій съ плеча, безъ дальнихъ справокъ. При устныхъ бесѣдахъ съ нимъ не всему слѣдуетъ вѣрить, не потому, чтобы онъ любилъ употреблять красное словцо, но по легкости дѣлаемыхъ имъ выводовъ. Я не разъ говорилъ ему, что онъ недаромъ носить фамилію Мельникова: все мелеть.

Сергіевъ посадъ, 21 Марта 1874.

Грустное извѣстіе, почерпнутое вами *изъ вѣрнаго источника*, сообщили вы мнѣ. Но я надѣюсь во 1-хъ, на Бога, а во 2-хъ, на стойкость Государя, до нынѣ еще вполне неоцѣненную. Вспомните осво-

¹⁾ Святцами называются изображенія нѣсколькихъ святыхъ на одной доскѣ. П. Б.

²⁾ Павелъ Ив. Мельниковъ, совопросникъ и борецъ по раскольниковымъ предметамъ (какъ и Ник. Ив. Субботинъ). Примѣчаніе графа Бутурлина.

божденіе крестьянъ. Сколько было настояній и интригъ, со стороны лицъ весьма вліятельныхъ, какъ напр. кн. Орловъ, а что они сдѣлали? 19 Февраля все-таки наступило, и по милости Божіей праздновано уже 13 разъ! Вы знаете, что я безусловный сторонникъ произведенныхъ реформъ; многое, и очень многое, нужно бы передѣлать, но къ этому приступить страшно. Покойникъ Даль рассказывалъ мнѣ, что у него въ походѣ сломался тарантасъ, въ полку же нашелся каретникъ. Даль показалъ ему экипажъ и спросилъ: можно ли починить его? Тотъ отвѣчалъ: „Можно, в. в-блгр., да будетъ хуже“. Вотъ чего я боюсь и при починкѣ реформъ. Какихъ тамъ найдутъ нотаблей? Не Губониныхъ съ братією (эти были бы еще туда-сюда), а Шуваловыхъ съ товарищи. Отъ нихъ-то упаси насъ, Боже*).

(Отъ 23 или 24 Марта 1873 года изъ Сергіева Посада).

Пользуюсь отъѣздомъ Николая Сергѣевича, чтобы сказать вамъ, мой добрый другъ, сердечное спасибо за ваше участіе въ моей болѣзни. Я, слава Богу, поправился и вчера впервые разъ вышелъ къ обѣднѣ, гдѣ молился и о васъ. Дай Богъ, чтобы эти строки нашли васъ въ лучшемъ здоровьѣ, а самихъ васъ умоляю беречься и строго исполнять предписанія врача: „береженаго и Богъ бережетъ“, говоритъ пословица.

Образъ готовъ, но еще высланъ быть не можетъ. Я еще его не видѣлъ, потому что нигдѣ еще не былъ.

Изъ открытаго вашего письма къ Ник. Сер. вижу, что вы стѣсняетесь вашими средствами, а потому позвольте мнѣ приложить при семь 25 р., прося васъ возвратить мнѣ ихъ, когда будете имѣть къ тому возможность, сполна или по частямъ, какъ окажется удобнѣе.

На письмо ваше о Златоустѣ и о 4 прав. Сард. собора не отвѣчалъ, потому что это требуетъ не письма, а цѣлаго трактата.

Теперь обращаюсь къ вопросу вашему о кондакѣ, на 8 Сент. Прежде выпишемъ его буквально: *Ішакіиъ и ѿнна поношеніа безчадства, и ѿдѣиъ и ѿба ѿ тліи смѣртныа свободистаа, пречтѣла, во сѣтѣиъ рѣшеиъ твоѣиъ, то прѣзднѣиъ и людіе твои, вини прегрѣшеніиъ ѿзбавлешаа, внигда збѣти ти: неплоды раждаѣтъ въѸ и питѣтельницѸ жизни нашеа. За симъ, несмотря на*

*) Грустное извѣстіе, мною переданное графу, было слухъ, что, въ виду несостоятельности всѣхъ реформъ, введенныхъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, Государь склоняется будто бы (по внушенію окружающей его клики) созвать изъ всей имперіи собраніе *нотаблей*. Примѣчаніе графа Бутурлина.

ясность церковнаго перевода, постараясь передать его на современномъ намъ языкѣ: Во свитомъ рождествѣ Твоемъ, Пречистая, Іоакимъ и Анна нашли избавленіе отъ поношенія своей бездѣтности, а Адамъ и Ева отъ тлѣнія смерти. Народъ твой, празднуя (этотъ день) и избавляясь отъ причины прегрѣшеній, взываетъ: бесплодная рождаетъ Богородицу и питательницу нашей жизни!“ Гдѣ же тутъ безгрѣшное зачатіе? Я не нахожу даже и малѣйшаго намека. При разсмотрѣніи ученія Церкви вообще слѣдуетъ, впрочемъ, всегда различать, чтѣ Церковь учитъ и чтѣ она воспѣваетъ. Въ первомъ случаѣ она выражается строго и опредѣлительно, не оставляя мѣста къ недоразумѣнію. Во второмъ нерѣдко распространяетъ свои хваленія въ мѣру своего усердія. Такъ всѣ ея пѣсни: тропари, кондаки, стихиры и въ особенности акаѣисты, почти исключительно состоятъ изъ хваленія, въ которыхъ естественно болѣе поэзіи, чѣмъ ученія; исключеніе—сколько мнѣ извѣстно—принадлежитъ Андрею Критскому, который во всѣхъ своихъ „славникахъ“ (стихахъ, которымъ предшествуетъ малое славословіе: „слава Отцу и Сыну и Святому Духу“) какъ въ канонахъ, такъ и въ стихирахъ, одушевлялъ свои поэтическія произведенія строгимъ смысломъ ученія; но за то Церковь и называетъ первые—„трончвыми“—а послѣдніе „догматическими“ *).

Мнѣніе о непорочномъ зачатіи, родившееся на Западѣ и получившее начало изъ любви и благоговѣнія къ „Честнѣйшей Херувимъ“, заходило и къ намъ. Это мы видимъ между прочимъ изъ приписки, сдѣланной Св. Димитріемъ Ростовскимъ на 9-й день Декабря въ его Чети-миней. Онъ положительно его отрицаетъ. Въ новомъ Римскомъ догматѣ, кромѣ этого заблужденія, есть двѣ погрѣшности, которыя по моему мнѣнію бросаются въ глаза и сами осуждаютъ общество, ихъ принявшее. Во 1-ыхъ, введеніе этого ученія оскорбляетъ ту истину, что всѣ догматы, необходимые для нашего спасенія, во всей своей полнотѣ уже преданы намъ Апостолами. Это до того вѣрно, что св. Павелъ не колеблется предать анаѣмѣ даже ангела съ небеси, если бы таковой явился съ бѣльшимъ (излишнимъ) благоговѣваніемъ

*) Любопытно звать, чтуть ли Католики Андрея Критскаго и его Канонъ. Когда въ Вѣнѣ умирала наша великая княжна Марія Михайловна, протоіерей тамошней посольской церкви Раевскій поднесъ скорбѣвшей матери Канонъ Андрея Критскаго съ Французскимъ прекраснымъ переводомъ. До того времени великая княгиня Елена Павловна говорила про нашу церковь: c'est la religion des roklonys (вѣра поклоновъ). По кончинѣ же второй своей дочери Елисаветы Михайловны, похороненной въ Висбаденѣ, Елена Павловна заказала и напечатала полный переводъ нашихъ богослужебныхъ книгъ на Нѣмецкомъ языкѣ. П. Б.

нежели апостольское: „аще благовѣститъ вамъ паче, еже мы благовѣстихомъ“. Кто же далъ власть Риму благовѣститъ паче Апостоловъ? Во 2-хъ, Пресвятая Дѣва, послужившая вслѣдствіе предвѣчнаго совѣта орудіемъ спасенія рода человѣческаго, достойно ублажается Церковію, ставящею ее выше всякаго созданія,—но только созданія,—и если приписать ей что либо сверхъ естественное кромѣ великаго и страшнаго таинства воплощенія и его послѣдствій или признать рожденною безъ грѣха, то это будетъ отрицаніемъ всего домостроительства нашего спасенія, цѣль котораго и составляетъ побѣду надъ грѣхомъ. Если рожденіе безъ грѣха совершилось, то грѣхъ уже побѣжденъ, а если побѣжденъ, то и вочеловѣченіе Сына Божія, и Его страшныя страсти, и Его Крестъ и воскресеніе—все это было излишне и напрасно! Это выводъ неотразимой логики. И вотъ къ чему привели съ одной стороны „ревность не по разуму“ читателей Пресвятой Дѣвы, а съ другой дерзость „непогрѣшительнаго“ самоувѣрія¹⁾.

Изложивъ вамъ бѣгло, какъ представляется мнѣ этотъ вопросъ, позволю себѣ посовѣтывать вамъ не смущаться неясностью или даже нѣкоторымъ излишествомъ въ изложеніи церковныхъ пѣснопѣній: въ нихъ тоже усердіе,—но не догмать.

За разъясненіемъ сего послѣдняго (если встрѣчается нужда, потому что безъ настоящей потребности не слѣдуетъ вдаваться въ тонкости богословія, предпочитая „покорять разумъ въ послушаніе вѣры“, какъ говоритъ Апостолъ) обращайтесь къ писаніямъ отцовъ, гдѣ найдете преизобильно нужныя объясненія.

Сочувствуя скудному положенію вашего приходскаго храма, посылаю 10 р., прося покорнѣйше не зазрѣть этому скромному приношенію. Желалъ бы помочь болѣе, но что дѣлать, если самъ не могу похвалиться изобиліемъ? Во всякомъ случаѣ желаю, чтобъ усердіе ваше было увѣнчано успѣхомъ и чтобы другіе жертвователи не были такъ, какъ я, скупы.

Прощайте, Христосъ съ вами! Вѣрьте, что я искренне васъ люблю и душевно преданъ. Дм. Толстой.

¹⁾ Митрополитъ Филаретъ писалъ, что въ этомъ случаѣ церковь наша ограничивается выраженіемъ „утроба предпочищенная Св. Духомъ“ (въ навечерин 8 Сентября). Въ Москвѣ на Варваркѣ, въ церкви Зачатія Св. Анны, имѣются двѣ рѣдкія иконы, на которыхъ изображены родители Пресвятой Богородицы. П. Б.

Нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Бутурлинѣ.

Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ, правнукъ фельдмаршала Семилѣтней войны, любимца Императрицы Елисаветы Петровны, которая въ одной лишь Воронежской губерніи пожаловала ему чуть ли не 200 т. душъ крестьянъ, внукъ гр. Маріи Романовны Воронцовой, получилъ по кончинѣ отца своего, будучи 22 лѣтъ отъ роду, большое богатство. Все свое юношество провелъ онъ въ Италіи, большею частью во Флоренціи, гдѣ водворились его родители: графъ Дмитрій Петровичъ, человѣкъ обширнаго образованія, собиратель знаменитой библіотеки, съ которымъ читатели могутъ познакомиться по его письмамъ въ „Архивѣ Князя Воронцова“, и графиня Анна Артемьевна, внука третьяго изъ Елисаветинскихъ Воронцовыхъ графа Ивана Ларионовича, женатаго на дочери Волянскаго и тоже очень богатаго человѣка. Она, ея старшій сынъ и три дочери перешли въ католичество, но старшій графъ и младшій сынъ его графъ Михаилъ остались православными. Въ семьѣ произошла рознь. Обширными имѣніями предоставлено управлять иновѣрцамъ и иноземцамъ. Тогда какъ у графа Александра Романовича имѣніями и домами управляли Русскіе люди изъ мужиковъ (обращавшіеся въ случаѣ надобности за поддержкою въ дѣлахъ къ Захару Николаевичу Постникову въ Москвѣ и Кириллу Степановичу Рындину въ С.-Петербургѣ), благодаря чему все достояніе Воронцовское осталось цѣло и неприкосновенно до нашихъ дней, какъ на примѣръ въ селѣ Андреевскомъ Владимирской губерніи,—у Бутурлиныхъ великолѣпное Калужское имѣніе ихъ, село Бѣлкино, очутилось во власти Кавецкихъ или Обнинскихъ.

Молодой графъ Михаилъ Дмитріевичъ отправленъ былъ служить въ Россію подъ начальство своего родственника, Новороссійскаго генераль-губернатора графа Воронцова; но такъ какъ онъ плохо говорилъ по русски и при большихъ средствахъ не умѣлъ бороться съ искушеніями и соблазнами, то долженъ былъ мѣнять службу и безпрестанно бывалъ въ обществѣ людей, которые живились на его счетъ, и на его жизнь и обстановку оказывалось мало доходовъ съ имѣній. Въ особенности содѣйствовалъ его разоренію одинъ Еврей, уговорившій его построить гостинницы близъ Бородинскаго поля по случаю открытія памятника 12-аго года, на каковое торжество приглашены были гости со всѣхъ концовъ Европы. Предпріятіе кончилось тѣмъ, что графъ Бутурлинъ вошелъ въ неописанные долги и съ тѣхъ поръ до самой кончины своей жилъ въ нуждѣ.

Начитанный и любознательный, онъ посѣщалъ Чертковскую библіотеку, и тамъ я имѣлъ истинное удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ. Владѣлецъ библіотеки Григорій Александровичъ Чертковъ, чтобы помочь ему, придумалъ напечатать особую книгою донесенія, которыя подавали Флорентійскому герцогу липа, состоявшія при Русскихъ посланцахъ царя Алексѣя Михайловича (Статейные списки этихъ посланцовъ были изданы отцомъ Черткова Александромъ Дмитриевичемъ). Молодой Чертковъ, будучи во Флоренціи, извлекъ изъ тамошнихъ архивовъ донесенія Флорентійскихъ чиновниковъ и пригласилъ графа Бутурлина заняться изданіемъ въ свѣтъ этихъ историческихъ бумагъ. Вышелъ большой томъ, и обѣдѣвшій графъ получилъ хорошія деньги, какъ плату за трудъ.

Связанный родствомъ и давнею пріязнью со многими представителями знати въ обѣихъ столицахъ, женатый на Нарышкиной, обѣднявшій графъ Бутурлинъ сталъ искать средствъ къ жизни трудомъ письменнымъ; но Русскій языкъ долго ему не давался, и въ особенности затрудняли его Русскія причастія и вообще косвенные падежи, каковыхъ по итальянски нѣтъ. Онъ принимался за многое, но по большей части неудачно. Подъ конецъ жизни занялся онъ Записками о своей жизни, которыя по кончинѣ его появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 и 1898 годахъ. Графу пришлось скончаться въ Московской Городской больницѣ, гдѣ его заботливо навѣщали князь Александръ Михайловичъ Хилковъ и графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой. Флорентійскіе же родственники (получившіе, вопреки закону, право владѣть земельною собственностью въ Россіи) ничѣмъ не захотѣли помочь ему. Набожный графъ умеръ, молитвенно стоя на колѣняхъ (Осенью 1876 года). П. Б.

